

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.9>

КОМИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г.
КУРГУЛИНОЙ)

Научная статья

Бактыбаева А.Т.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8980-0511;

¹Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова, Алматы, Казахстан

* Корреспондирующий автор (smile_1713[at]mail.ru)

Аннотация

Рассмотрение темы взаимоотношений в современной семье, иногда под комическим углом зрения, помогает понять, какие составляющие обеспечивают женской прозе особую любовь и популярность. В статье анализируется малоисследованный пласт современной русскоязычной прозы Казахстана – произведения Г. Кургулиной. Это определило актуальность данной статьи. В российском и западном литературоведении имеется определенная база трудов по изучению женской прозы на примере творчества писательниц как отдельных эпох, так и всего литературного явления в целом. В казахстанском литературоведении есть только ряд работ, затрагивающих данную тему. Произведения Кургулиной впервые рассматриваются системно с точки зрения преломления в них иронического и трагикомического, что определило новизну нашего исследования. Такое культурно-литературное явление, как женская проза, представляет определенный интерес не только для литературоведов, но и культурологов.

Ключевые слова: Кургулина, женское, комическое, сноха, семья.

THE COMICAL IN MODERN FEMALE PROSE OF KAZAKHSTAN (ON THE EXAMPLE OF WORKS OF G.
KURGULINA)

Research article

Baktybayeva A.T.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-8980-0511;

¹Kazakh National Medical University named after. S. Asfendiyarova, Almaty, Kazakhstan

* Corresponding author (smile_1713[at]mail.ru)

Abstract

Understanding the components that give female prose special love and popularity can be achieved by looking upon the topic of relationships in the modern family, sometimes from a comical angle. The article analyses an understudied layer of modern Russian-language prose of Kazakhstan – the works of G. Kurgulina. This determined the relevance of this article. In Russian and Western literary studies there is a certain basis for works on female prose on the example of the work of women writers both of separate eras and of the whole literary phenomenon. There are only a number of works in Kazakh literature that address this topic. For the first time, Kurgulina's works were systematically examined from the point of view of the refraction of ironic and tragicomic in them, which determined the novelty of our research. Such a cultural and literary phenomenon as female prose is of some interest not only to literary scholars, but also to cultural experts.

Keywords: Kurgulina, female, comical, daughter-in-law, family.

Введение

Актуальность статьи связана с тем, что она предоставляет возможность обратиться к малоисследованной проблеме: преломление комического в современной русскоязычной женской прозе Казахстана и тем самым включиться в дискуссию о путях развития женской литературы рубежа веков. Необходимо отметить, что в последнее время наблюдается возрастание интереса к феномену «женская литература Казахстана». Однако в контексте комического данное литературное явление еще не было предметом исследования. Этот факт определяет научную новизну данной статьи.

Методологическая база: в работе использованы такие методы, как структурно-семантический, сравнительно-исторический, текстологического анализа, позволившие обратиться к культурологическим, лингвистическим, психологическим исследованиям и использовать их данные.

Обсуждение

Об интересе к российской женской прозе XX и XXI веков свидетельствует ряд исследований. Желание человека понять, в чем смысл существования; попытки найти ответы на вечные вопросы о смысле бытия; становление и развитие характера, одиночество, счастье, страх, любовь; экзистенциальные, эсхатологические мотивы; осознание детских проблем; описание детского восприятия жизни и мышления; своеобразие психологии подростков – вот далеко не весь перечень тем и проблем, рассматриваемых в произведениях женщин-писательниц. Разумеется, у каждого автора они представлены по-своему, в сочетании с другими темами и мотивами, но все же «основное здесь не то, как происходит возникновение и развитие событий или действий, а лицо, точка зрения на происходящее, поэтический мир, система ценностей» [11, С. 10].

Это и многое другое было обобщено и проанализировано в диссертационных исследованиях Т.А. Ровенской [16], Е.В. Широковой [19], Н.В. Воробьевой [4]. Данные работы – «попытка обзора» истории и развития творчества писательниц рубежа XX-XXI вв. Так, например, Н.В. Воробьева считает, что, несмотря на изменения исторической эпохи, все же есть набор определенных особенностей поэтики, который весьма устойчив в литературной традиции. К нему относятся: темы любви и замужества, новой женщины, свобода пола, исповедальный автобиографизм. Все это свидетельствует о том, что женская проза рубежа XX-XXI вв. – это своеобразное продолжение поиска ответа на вопрос о специфике женской субъективности и, в частности, субъективной личности писательницы.

Т.А. Ровенская проанализировав женскую прозу конца 1980-х – начала 90-х гг. выделяет такую ее особенность как агрессивность. Её цель – разрушить традиционное представление о женщине и женственности, поскольку в основе подобных представлений маскулинный взгляд на женщин и окружающий их мир. Одним из основных лейтмотивов творчества писательниц указанного периода является тема состояния современных отношений между мужчиной и женщиной, которые проникнуты кризисом доверия и ожиданий, но при этом переполнены взаимным разочарованием, обидами и претензиями друг к другу. Другой отличительной особенностью женской прозы указанного периода является то, что особую трактовку и своеобразные способы отражения получили социальные проблемы.

Авторы работ также анализируют сборники современной женской прозы, их мемуаристику и публицистику.

Казахстанские исследователи также обратили внимание на специфику современной женской прозы. Л.И. Абдуллина в своих работах анализирует творчество трех современных писательниц Казахстана – У. Тажикеновой, С. Назаровой и Л. Калаус [1]. В основе их произведений лежит личный повседневный опыт, среда и быт. В рассказах и повестях определенное место отводится социальному аспекту их жизни, материальной неустроенности. И все же, несмотря на некоторые проблемы, по мнению Л. Абдуллиной, героини этих произведений стремятся проявить негибкость характера и нравственное превосходство [1].

Ж. Мамбетов, М. Жолшаева рассмотрели типологию женских образов в контексте современной молодежной прозы [12, С. 174-193].

Казахстанский литературовед А. Темирболат отмечает, что национальная женская проза ярко представлена произведениями Г. Кургулиной. В ее рассказах и повестях темами для рассуждения становятся двоеженство, взаимоотношения старшей и младшей снох, изменение национальных семейных традиций и отношения к ним, самореализация женщин [17, С. 24-38].

Свою первую книгу «Байбише. Старшая жена» Г. Кургулина опубликовала в 2012 году. В первом романе рассказывается о сложных взаимоотношениях между родными людьми – мужем и женой, их родственниками. От таких отношений страдают в первую очередь дети.

Сложный и иногда противоречивый характер и поступки Жанибека – главного героя, его матери Жамал апай, их сына и внука Касыма стали основой второго романа «Токал. Младшая жена», который вышел годом позже. Вторая книга стала своеобразным тематическим продолжением первого романа. Основная тема обоих романов – проблема двоеженства в современном казахстанском обществе. Сама автор отмечает, что смысл ее произведений заключается в том, «чтобы новые, чаще всего молодые жены (токал) не завидовали и не пытались отобрать счастье, положение и более высокий статус первых законных жен (байбише)».

В качестве основных персонажей своих произведений писательница выбирает «средних» «обычных женщин». Чаще всего это домохозяйки, учителя, работники торговли или же те, кто вынужден в силу обстоятельств работать дворниками, нянями.

Сам тон повествования в рассказах «Кукушка», «Тещин язык и несчастный зять», «Яблоко от яблони» и других содержит трагикомические ноты. Социально-бытовая сторона взаимоотношений между старшим поколением семьи в лице свекрови и младшим поколением в лице снохи становится своеобразным мерилем семейных традиций. В данном контексте изображены изъяны современного казахстанского общества. Обыкновенные люди, некоторые государственные служащие в силу различных обстоятельств, например, стараниями жен, чересчур привязаны к материальным благам. Они цинично устраивают свою жизнь исключительно по правилам материальной состоятельности, стремятся принадлежать к элитному слою общества. В таких героях и героинях Кургулина не показывает их духовное перерождение. Чаще всего они так и остаются со своими «правилами жизни». Честолюбие, бездушие, жадность уже с раннего детства проявляются в их характерах, а с годами развиваются и переходят в обостренную форму, проявляясь в необузданной страсти к деньгам и материальным благам: «Повезло тебе, Макпал, не то, что нам! У нас такие жадные, невоспитанные снохи, только своим родичам всё тащат!» – завистливо вздыхали свекрови Разие окружающие. Все недовольны были своими снохами, все тряслись за своё добро!» [10, С. 29].

Женщины-героини страдают, испытывают раздражение или от бытовых неурядиц, или от зависти к тем, кто живет богаче. Многие из героинь Кургулиной – молодые девушки, приехавшие с периферии, стремящиеся выйти замуж только за обеспеченного и состоятельного человека для того, чтобы остаться жить в городе.

Почти все романы и рассказы Г. Кургулиной проникнуты комическим, но в то же время стержень повествования образуют проблемы взаимоотношения в семье. Инвариант мотива непонимания людей, их разобщенности, некоммуникабельности представлен в произведениях посредством комического, трагикомического и сатирического.

Например, неискренность в отношении между близкими подругами в рассказе «Дочь вдовы» описывается так: «Почти все присутствующие одновременно подумали, скрывая свои мысли за лживыми улыбками: «Какая эта Гульдана все-таки прозорливая, она даже толком и не жует, глотает как бегемот...» [10, С. 4].

Чаще всего героини Кургулиной, а это снохи и их свекрови, не хотят сострадать, мучают друг друга, уязвленные своим семейным статусом. Практически каждая из них находится в своем внутреннем духовном вакууме. Единственный способ выражения своих чувств для них – это ругань, использование в своей речи бранных слов, оскорблений и т.п.: «Сытые, самодовольные сучки забыли, кем были когда-то сами! Можно подумать, ханскими дочерьми родились <...>. В Аду будете гореть, если не раскаетесь, толстомордые и толстозадые твари!» – примерно

так костерила (про себя!), конечно, добрая апай. А вслух, почти спокойно улыбаясь, сказала: «Простите, мне что-то нездоровится! Наверное, на погоду голова разболелась, кружится! Я пойду домой, хорошо?» [10, С. 4].

Или «...Амина стояла твердо на своем, и только всем присутствующим мило улыбалась! Зато на улице женщина дала волю своим чувствам: она шла и громко, распугивая прохожих, ругалась матом и редела в три ручья. Апай, несмотря на свой довольно почтенный возраст, оставалась в душе молодой и милой хулиганкой. Она любила (нередко!) выругаться как прапорщик в армии, или, как пьяный носильщик на вокзале или, если будет надо ...как слесарь местного ЖЭКа, или как грузчик в порту (тоже под градусом, скорее всего!). Наверное, многие друзья и родственники, также сослуживцы и соседи любили Амину именно за это – веселый и добрый нрав!» [10, С. 5]. Как мы видим из примера, в описании чувств и поведении героини сквозит саркастическая ирония, связанная с ее постоянными попытками играть ту или иную роль на публике, в зависимости от обстоятельств. А бранные слова, обзывания – это своего рода маркер внутреннего безнадёжного бунта разочарованного взрослого, обрушившийся на саму культуру. Использование жаргонизмов, ругани – это один из способов построения смеховой ситуации.

В своих произведениях Кургулина старается увидеть неоднозначность героинь – невесток, снох, их подруг, ближайших родственников, – которые не всегда способны противостоять обстоятельствам. А выявить их неоднозначность помогает введение в текст повествования комического: «Апашки, надо отметить, и сами устали сплетничать, даже языки у них заболели!» [10, С. 5].

Из рассказа «Белая кошма и лоскутное одеяло» приведем другой пример: «Она скандалила всякий раз, по поводу и без всякого повода! Такие сцены играла, такие спектакли ставила перед мужем, сыновьями и снохой. Ну, заслуженная или народная актриса – да и только! Искусство потеряло в ее лице драматическую и комедийную актрису в одном лице, честное слово!» [10, С. 12].

Писательская индивидуальность Кургулиной проявляется в ориентации на традиции Гоголя, когда вводится образ повествователя, в котором «настоящий автор воплощает гуманное мировоззрение», несмотря на различные скандалы и т.п. [13, С. 121].

Скандал в некоторых рассказах писательницы становится основообразующим в развитии сюжета и характеристики героев. М.М. Бахтин считал, что скандал не меняет знаки с минуса на плюс, а раскрывает другое измерение, в котором персонаж – как в «доклассицистском театре» [2, С. 5].

Мимо внимания писательницы не прошел незамеченным парадокс нашего времени: женщина – мать – устроительница домашнего очага одновременно является разрушительницей жизни своих близких, а также собственной: «...мать ее была тоже еще та штучка – палец в рот не клади! Где можно было промолчать, открывала шире рот и пошло, поехало... Улпан дала себе слово, обет, что не будет такой стервой, как её мать. Но, верно подмечено в народе, – яблоко от яблони недалеко падает! Проходили дни, месяцы, а молодая женщина все еще не находила общего языка с матерью своего любимого мужа <...>. С каждым днем, причем все больше и больше, стала раздражать ее милая свекровь, ее нравочения» [10, С. 63].

Краткие слова-характеристики поступков женщин-снох иллюстрируют зреющее недовольство по отношению к свекровям и тем самым становятся составной частью в создании абсурдного, а, следовательно, и трагикомического по своей сути. Ситуация скандала – это смысловая доминанта, которая в контексте приобретает смехообразующую функцию. М.М. Бахтин подчеркивал, что «скандалы и самобытность ломают эпическое и драматическое единство мира, пробивая брешь в устойчивом, естественном ходе человеческих дел и событий. Они освобождают людское поведение от предопределяемых его норм и объяснений» [2, С. 17].

В рассказах Кургулиной, например, свекрови, чаще всего, преуспевающие женщины, живущие в достатке, окруженные любовью и заботой со стороны мужа, но, судя по их словам и поступкам, – воплощение зла: «У Шолпан были хронические болезни: воспаление щитовидной железы, почек, мочевого пузыря, и еще киста, мастопатия! А с недавних пор и сердечко стало пошаливать вместе с кровяным давлением! С таким букетом заболеваний трудно быть в хорошем расположении духа!» [10, С. 4].

Подобная провокация на скандал – это своеобразное средство, с помощью которого выстраивается карнавальная картина окружающей героев действительности. Несмотря на иронию автора по поводу большого количества заболеваний у свекрови, можно ощутить и увидеть сочувствие писательницы к ней (кроме суждения: «С таким букетом заболеваний трудно быть в хорошем расположении духа!»). Героиня как бы сама признается, что у нее есть такие черты характера, как раздражительность, высокомерие, злобливость, но при этом все еще есть надежда что-то изменить, улучшить.

Ироническое, как и трагикомическое, является своего рода оттенком злобы и жестокости со стороны свекрови к снохе или наоборот. Эти негативные качества женщин всегда в повествовании переплетаются с любовью к своим детям, состраданием к ним, потому что материнство – высшее призвание женщины, своего рода мерило совести и морали.

Нередко писательница передоверяет повествование самим героям. Такой способ помогает лучше раскрыть их внутренний мир, а ирония, в свою очередь, становится основным способом видения и интерпретации окружающей героев действительности: «И наконец, я считаю, что такие женщины в большей степени сами виноваты в том, что их мужья мало или не зарабатывают вовсе! Безвольными и слабыми их делают сами женщины!» [9, С. 34]. Или другой пример: «Ведь охранники нужнее сейчас, чем учителя по истории» [9, С. 40]. При этом сама ирония – это своего рода бахтинский образ «незавершенности», то есть она ближе к «священной пародии», восстанавливающей утраченное единство мира» [5, С. 57].

Многим героям рассказов Кургулиной присуща самоирония. В этом случае им удается проявить еще одну черту характера – способность взглянуть на себя и на свои поступки весьма иронично. «Старая свекровь, бабушка мужа защитила: «Нет, нет, малыш очень похож на нашего сына, с годами будет вылитый отец!» ... Если что-то хорошее видели во внуке, то это было их качество. Если дурное – это, конечно, от снохи» [10, С. 57]. Здесь иронический

комментарий характеризует одновременно взаимоотношения между снохой и родственниками мужа. При этом ирония автора-повествователя направлена как на молодую женщину, так и на пожилую.

Другой пример: «Они же все состарились раньше времени от своего собственного яда» [10, С. 67]. Здесь сарказм придает своеобразный трагикомический оттенок видоизмененному устойчивому архетипу – словам свекрови в сказке о Золушке: «Никогда я не думала, что он женится на ТАКОЙ, как ты! – через несколько минут продолжала женщина свои пытки. Мы всегда держали высокую марку, свой уровень. А тут, ох! Ты понимаешь, что ты не пара нашему Малику! <...>

Если бы ее сноха, горько заплакала бы, если бы стала просить прощение у Аксулу, она бы остановилась! Если бы эта гордячка нищая хотя бы раз в месяц говорила бы ей, своей благодетельнице, дорогой свекрови: «Спасибо за то, что приютили меня, сироту, подобрали с улицы, почти из помойки... Одеваете, обуваете, кормите, а то бы я без вас пропала!» Тогда бы Аксулу, возможно бы и пожалела, а глядишь, со временем даже (кто знает?) и полюбила бы эту сноху. Но эта нищенка держалась с таким достоинством, будто была ханской дочерью!» [10, С. 9].

Кургулина практически во всех произведениях пытается удержаться на серьезно-иронической ноте. Серьезность позволяет замечать такие подробности из жизни современной семьи, которые заставляют читателя увидеть, насколько всерьез волнует это самого автора. А ироническое позволяет уйти от морализаторства, потому что сама ирония ничего не утверждает. Такой подход роднит творческую манеру Кургулиной с рассказами С. Довлатова, который считал себя прежде всего «воссоздающим» то, что его окружает, а не «вспоминающим» автором.

Очень своеобразно комическое представлено в рассказе «Донжуан из соседней будки». Уж в самом названии присутствует юмор, и читатель может догадываться, что героем повествования может быть собака.

В традиции русской литературы XX века собака и ее трагическая судьба не раз становились основой сюжета. Достаточно вспомнить судьбу четвероногих героев произведений Г. Трепольского «Белый Бим Черное ухо» или Г. Владимиров «Верный Руслан». В данном контексте образ собаки является своего рода нравственным зеркалом, в котором в обобщенном виде описаны не только хорошие черты характера человека, но также его духовная и нравственная деградация.

Истоки данной традиции уходят в русскую литературу XIX начала XX веков. Можно вспомнить Муму И. Тургенева, Каштанку А.П. Чехова, энергичного Арто А. Куприна. Собака и метаморфозы с ней описаны в произведении М. Булгакова «Собачье сердце». Образ собаки встречается в произведении И. Шмелева «Мой Марс». Зарубежная литература также неоднократно обращалась к данному образу. Например, у Дж. Лондона в повествованиях «Зов предков», «Джерри-островитянин», Д. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», Э. Найта «Лесси», Ф. Кафки «Исследование одной собаки», Я. Пшимановского «Четыре танкиста и собака» мы встречаемся с героями-собаками и с интересом следим за их приключениями-злключениями.

В повествовании Г. Кургулиной речь идет о псе по кличке Шарик, которого подобрала добрая женщина. Вообще собак, по мнению исследователей, мы сильно любим и горячо верим, что они любят нас взаимно, потому что они не только верны, но и «представляют собой утешение, дружбу, комедию, иронию, ловкость, бесконечные анекдоты. Собаки – это зеркало наших представлений о том, как выглядело бы гуманное общество» [22, С. 10-11].

У героини рассказа недавно умер муж, но она не хочет обременять детей своим одиночеством, поэтому Шарик ей стал не просто другом, но и тем, о ком надо заботиться, кому можно доверить тайну. Через два года Шарик превратился в красивую дворняжку. «На него стали заглядываться почти все соседние собачки (сучки)... Он нередко влюблялся, но, получив желаемое, он быстро охладевал к своей пассии...

– Настоящий кобель, как все наши мужики! А ну, пошел вон!» - громко кричали ему соседки... Через некоторое время он «загорелся страстью» к Люське – соседней собачке, которая была неприступна, потому что <...> Люськину любовь убили, когда вылавливали и отстреливали бродячих псов <...>. И с тех пор, ни с кем, ни, ни! <...> Сколько собак, этих кобелей бегало за ней, неприступной вдовушкой – безрезультатно! <...> Когда под покровом ночи наш влюбленный прокрался в будку Люси, на него напала огромная овчарка! <...> Схватка была, к его счастью, непродолжительной, хоть достаточно кровопролитной (для него) <...>» [10, С. 60].

Далее мы наблюдаем, как заботливо и по-доброму хозяйка относится к псу: «– Эх ты, ну, куда ты полез?! Надо же хоть немного думать головой! А если б ты погиб, он же больше тебя и сильней! – ласково, но строго отчитывала его дома хозяйка, обмазывая йодом все полученные раны. О, как же было приятно Шарику, что так его любят и жалеют. И почему она не собака, или он не человек?!» [10, С. 60].

В данной повести при помощи комического описания поступков и мыслей Шарика используется прием «остранение», смысл которого сводится к тому, что на изображаемого героя-животного смотрим так, как будто видим его в первый раз, потому что автоматическая повседневная речь разрушается. Кажущееся привычным в образе пса – его виляние хвостом, лай, преданный взгляд на хозяйку и т.п. – «неожиданно воспринимается свежо, раскрываясь в истинном своем значении» [8, С. 34-35].

Образ собаки не случаен. Как уже отмечено выше, он является зеркалом, в котором отражены не только человеческие страхи, угрозы, странности и желание запрещать, но и человеческие надежды, мечты, желания – не только то, от чего мы в себе отказываемся, но и то, в чем мы завидуем животным.

Комическое используется и в «Сказе о доброй снохе». Вообще сказ – это специфическая форма повествования, семантико-стилистическая нарративная традиция русской прозы, уходящая корнями в творчество Гоголя и Лескова [9]. В 1910-1920-е гг., когда, по мнению Б.М. Эйхенбаума, была «неудовлетворенность традиционной литературной речью», сказ стал одной из наиболее востребованных форм литературного произведения [21, С. 227]. Анализу данного вопроса он посвятил ряд своих статей («Иллюзия сказа» и «Как сделана «Шинель» Гоголя»), которые вызвали определенную дискуссию среди исследователей [18, С. 160-162], [3, С. 49]. По мнению М.М. Бахтина, одним из важных признаков сказа является установка на «чужую речь», которая во многом ориентируется на речь устную [2, С. 115]. Как отмечает О.Ю. Осьмухина, многие ученые неоднократно обращали внимание на исследование сказа [15, С.

236]. Некоторые из них ориентировались прежде всего «на передачу разговорного монолога героя-рассказчика», то есть это «своего рода моделирование «живого» разговора, появляющегося сиюминутно [6, С. 876]. Другие стремились передать «оригинальную манеру повествования» посредством лексики и синтаксиса носителя речи с ориентацией на слушателя [10, С. 34]. Для Е.Г. Мущенко и других сказ – это «способ заговорить именно от своего «я» [14, С. 9]. В. Шмидт в своем исследовании «Нарратология» выделяет такие признаки сказа, как устность, диалогичность, неожиданность [20, С. 105-107].

В «Сказе о доброй снохе» заглавие соотносено с образом главной героини и настраивает характер повествования на «лирический лад». Кургулина пытается продемонстрировать на примере жизни Кулян, какими нравственными качествами должна обладать молодая сноха – это доброта, преданность, честность, обаяние, чувство юмора.

В центре рассказа жизнь современной казахстанской семьи, вокруг которой концентрируются все действия. Каждый член этой семьи занят своим делом: муж – на государственной службе, свекровь проводит время со своими подругами. Кулян (добрая сноха) ведет домашнее хозяйство. Ее день наполнен различными делами (приготовление еды, уборка, стрика и т.д.) и разговорами с условными слушателями. Именно эти мнимые разговоры приводят к созданию своеобразной формы сказа-диалога. При этом Кургулиной удается естественно напомнить читателю о существовании собеседника. Обращения к нему органично вплетаются в текст и используются во множестве различных видов апеллятивов: «Она его мать, поэтому пусть берет, всем хватит, дай Аллах здоровья ее сыночку!» [10, С. 58].

Само же повествование казахстанской писательницы построено как раскрытие характера главной героини – снохи Кулян – и того, что с ней происходит. При этом автор использует разные виды иронии. То, что писательница избирает героиней именно молодую женщину, можно объяснить отчасти биографическими причинами, но и тем, что писательница – женщина, как человек, более остро способна ощутить и понять проблемы современной семьи. Также она пытается показать, что важно в воспитании девушек – будущих снох и свекровей: «Почти двадцать пять лет муж Кулян отдавал своей матери половину своей зарплаты – ежемесячно! Согласитесь, не всякая сноха стерпит такое! Редко увидишь даже, чтобы хотя бы четверть зарплаты сына отдавала сноха свекрови!» [10, С. 57]. Автор «передает» свои собственные мысли как бы со стороны, что позволяет взглянуть на ситуацию с позиции чужого человека.

Одна из важных речевых характеристик центрального персонажа – установка на простоту и доступность языка с использованием горькой иронии: «Так часто бывает в нашей жизни, ревность и страх мучают пожилых людей. И судит, как правило, такая свекровь по себе: если она была сама когда-то дурной снохой и обворовывала муженька – тоже чьего-то сына – обманывала его, то, став свекровью, такая женщина подозревает в тех же грехах и своих снох!» [10, С. 58]. Этот отрывок подчеркивает алогизм происходящего.

Определенное место в творчестве Кургулиной занимает рассказ, в основе которого лежат аллегорическая образность и басенный тип условности. Так, например, в басне «Запоздалые слезы» образы мыши и её погибшего супруга позволяют автору высветить такие свойственные психологии людей черты характера, как необоснованная капризность, легкомыслие:

«Я виновата очень, что мужа моего, дорогого моего загрызла кошка!

Мне не вернуть его уже!

Прости меня, о Боже! – рыдала громко мышь ночами у себя, в своей норе.

Ей было очень одиноко и голодно одной...

Ах, и зачем я была такой капризной дурой?!

Зачем в ту ночь я масла захотела?

Иль мало было сыра мне? [10, С. 27].

Некоторые черты характера, перечисленные в произведении, автор и превращает в объект иронии.

Заключение

Итак, тема современной семьи – одна из основных в творчестве казахстанской писательницы Г. Кургулиной. По ее мнению, семья – это основа жизни каждого человека. Человек в мире, где нарушаются многие вековые традиции, обречен на одиночество не только физическое, но и духовное. Взаимоотношения между молодыми женами, их отношение к свекровям, близким родственникам волнуют современную казахстанскую писательницу и заставляют поднимать в произведениях следующие вопросы: «Что такое милосердие? Что такое взаимопонимание? Что такое традиция?». Ироническое в произведениях Кургулиной, как и трагикомическое, позволяет найти ответы на данные вопросы. Наряду с этим оно предоставляет возможность не только выделить проблемы любви к деньгам, поисков состоятельного жениха, браков по расчету, жизни в семье мужа или отдельного от родителей проживания и т.п., но и показать предлагаемый автором путь выхода из сложившейся ситуации. Многие комические элементы приобретают синтетический характер, потому что основаны на соединении комического и философского мировосприятия. В них преобладает иронический пафос, потому что ирония – своеобразный способ мироотношения. Н.С. Выгон по этому поводу замечает: «Ироническое переосмысление готовых «завершенных» истин передает свободный, не авторитарный, концептуальный и личностный характер современного сознания, так как при помощи множества приемов субъективной оценки (пародии, парадокса, сарказма, абсурда и др.) обнажает суть любого утверждения, испытывает его на прочность и способствует рождению нового, из прежних, уже не вмещающих изменившееся отношение человека и мира» [5, С. 55].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Абдуллина Л.И. Историческая презентация женской литературы: учеб. пособие для студентов филолог. факультетов / Л.И. Абдуллина. — Усть-Каменогорск: ВКГУ, 2000. — 60 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. — М.: Алконост, 1994. — 178 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 656 с.
4. Воробьева Н.В. Женская проза 1980-2000-х: динамика, проблематика, поэтика: дис. канд. филол. Наук / Н.В. Воробьева. — Пермь, 2006. — 257 с.
5. Выгон Н.С. Парадигма комического в современной литературе / Н.С. Выгон // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.). — СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; М.: Академия, 2005. — С. 40-63.
6. Каргашин И.А. Русский стихотворный сказ XVII—XXI вв.: Генезис. Эволюция. Поэтика / И.А. Каргашин. — М.: Языки славянской культуры, 2017. — 336 с.
7. Чудаков А.П. Сказ / А.П. Чудаков, М.О. Чудакова // Краткая литературная энциклопедия. — М., 1971. — Т. 6. — С. 876.
8. Карпов А.С. В мире погрязшей человечности / А.С. Карпов // Русская словесность. — 1995. — № 6. — С. 34-35.
9. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 112 с.
10. Кургулина Г. Сборник рассказов и новелл / Г. Кургулина. — «ЛитРес: Самиздат», 2019. — 88 с.
11. Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Максимов. — Л.: Советский писатель, 1981. — 552 с.
12. Мамбетов Ж. Типология женских образов в современной молодежной прозе / Ж. Мамбетов, М. Жолшаева // Гендер и казахстанское общество. Сборник статей. — Алматы: Издательство «DeLuxe Printery», 2022. — 300 с.
13. Моторин А.В. Руслан Киреев и традиция, идущая от Гоголя / А.В. Моторин // Художественная традиция в историко-литературном процессе. — Л.: Изд-во ЛГПИ, 1988. — С. 121-130.
14. Мущенко Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. — 286 с.
15. Осьмухина О.Ю. Сказ / О.Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — №4. — С. 236-237.
16. Ровенская Т.А. Женская проза конца 1980-х - начала 1990-х годов: проблематика, ментальность, идентификация: дис. канд. филол. наук / Т.А. Ровенская. — Москва, 2001. — 221 с.
17. Темирболат А. Особенности развития казахской прозы в период Независимости / А. Темирболат // Керуен. — 2023. — №1, 78-том. — С. 24-38.
18. Тынянов Ю.Н. Поэтика. Теория литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 578 с.
19. Широкова Е.В. Художественные эксперименты в русской женской прозе конца XX века: поэтика языка и времени: дис. канд. филол. наук / Е.В. Широкова. — Ижевск, 2005. — 151 с.
20. Шмидт В. Нарратология / В. Шмидт. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
21. Эйхенбаум Б.М. Литература: Теория. Критика. Полемика / Б.М. Эйхенбаум. — Л.: Прибой, 1927. — С. 166-209.
22. Pollock M.S. Figuring Animals / Pollock M.S., Rainwater C. — Palgrave Macmillan, a division of Nature America Inc., 2005. — p. 10-11.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abdullina L.I. Istoricheskaya prezentaciya zhenskoy literatury: ucheb. posobie dlya studentov filolog. fakul'tetov [Historical Presentation of Women's Literature: study guide for students of philological departments] / L.I. Abdullina. — Ust-Kamenogorsk: VKSU, 2000. — 60 p. [in Russian].
2. Bahtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Creativity] / M.M. Bahtin. — M.: Alkonost, 1994. — 178 p. [in Russian].
3. Vinogradov V.V. O yazyke hudozhestvennoj prozy [On the Language of Artistic Prose] / V.V. Vinogradov. — M.: Nauka, 1980. — 656 p. [in Russian].
4. Vorob'eva N.V. Zhenskaya proza 1980-2000-h: dinamika, problematika, poetika [Women's Prose of the 1980-2000s: Dynamics, Problems, Poetics]: dis. for PhD in Philol. Sciences. — Perm, 2006. — 257 p. [in Russian].
5. Vygon N.S. Paradigma komicheskogo v sovremennoj literature [The Paradigm of the Comic in Modern Literature] / N.S. Vygon // Sovremennaya russkaya literatura (1990-e gg. — nachalo HKHI v.) [Modern Russian Literature (1990s - Early XXI Century)]. — SPb.: S.-Petersburg State University; M.: Akademiya, 2005. — P. 40-63. [in Russian].
6. Kargashin I.A. Russkij stihotvornyj skaz XVII—XXI vv.: Genezis. Evolyuciya. Poetika [Russian Poetic Tale of the 17th—21st Centuries: Genesis. Evolution. Poetics] / I.A. Kargashin. — M.: Languages of Slavic Culture, 2017. — 336 p. [in Russian].
7. Chudakov A.P. Skaz [Tale] / A.P. Chudakov, M.O. Chudakova // Kratkaya literaturnaya enciklopediya [Brief Literary Encyclopedia]. — M., 1971. — V. 6. — P. 876. [in Russian].

8. Karpov A.S. V mire poprannoj chelovechnosti [In the World of Trampled Humanity] / A.S. Karpov // Russkaya slovesnost' [Russian Literature]. — 1995. — № 6. — P. 34-35. [in Russian].
9. Korman B.O. Izuchenie teksta hudozhestvenno go proizvedeniya [The Study of the Text of a Work of Art] / B.O. Korman. — M.: Prosveshchenie, 1972. — 112 p. [in Russian].
10. Kurgulina G. Sbornik rasskazov i novell [Collection of Short Stories and Novellas] / G. Kurgulina. — «LitRes: Samizdat», 2019. — 88 p. [in Russian].
11. Maksimov D. Poeziya i proza Al. Bloka [Poetry and Prose of Al. Blok] / D. Maskimov. — L.: Soviet Writer, 1981. — 552 p. [in Russian].
12. Mambetov Zh. Tipologiya zhenskih obrazov v sovremennoj molodezhnoj proze [Typology of Female Images in Modern Youth Prose] / Zh. Mambetov, M. Zholshaeva // Gender i kazahstanskoe obshchestvo/Sbornik statej [Gender and Kazakhstan Society / Collection of articles]. — Almaty: «DeLuxe Printery» Publishing House, 2022. — 300 p. [in Russian].
13. Motorin A.V. Ruslan Kireev i tradiciya, idushchaya ot Gogolya [Ruslan Kireev and the Tradition Coming from Gogol] / A.V. Motorin // Hudozhestvennaya tradiciya v istoriko-literaturnom processe [Artistic Tradition in the Historical and Literary Process]. — L.: LGPI Publishing House, 1988. — P. 121-130. [in Russian].
14. Mushchenko E.G. Poetika skaza [The Poetics of the Story] / E.G. Mushchenko, V.P. Skobelev, L.E. Krojchik. — Voronezh: Publishing House of the Voronezh University, 1978. — 286 p. [in Russian].
15. Os'muhina O.Yu. Skaz [Tale] / O.Yu. Os'muhina // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skills]. — 2007. — №4. — P. 236-237. [in Russian].
16. Rovenskaya T.A. Zhenskaya proza konca 1980-h - nachala 1990-h godov: problematika, mental'nost', identifikaciya [Women's Prose of the Late 1980s - Early 1990s: Problems, Mentality, Identification]: dis. for PhD in Philology Sciences / T.A. Rovenskaya. — M., 2001. — 221 p. [in Russian]
17. Temirbolat A. Osobennosti razvitiya kazahskoj prozy v period Nezavisimosti [Features of the Development of Kazakh Prose during the Period of Independence] / A. Temirbolat // Keruen. — 2023. — №1, 78-vol. — P. 24-38. [in Russian].
18. Tynyanov Yu. N. Poetika. Teoriya literatury. Kino [Poetics. Theory of Literature. Movie] / Yu. N. Tynyanov. — M.: Nauka, 1977. — 578 p. [in Russian].
19. Shirokova E.V. Hudozhestvennye eksperimenty v ruskoj zhenskoj proze konca XX veka: poetika yazyka i vremeni [Artistic Experiments in Russian Women's Prose of the Late XX Century: the Poetics of Language and Time]: dis. for PhD in Philology Sciences / E.V. Shirokova. — Izhevsk, 2005. — 151 p. [in Russian].
20. SHmidt V. Narratologiya [Narratology] / V. SHmidt. — M. :Languages of Slavic Culture, 2003. — 312 p. [in Russian].
21. Ejhenbaum B.M. Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika [Literature: Theory. Criticism. Controversy] / B.M. Ejhenbaum. — L.: Priboj, 1927. — P. 166-209. [in Russian].
22. Pollock M.S. Figuring Animals / Pollock M.S., Rainwater C. — Palgrave Macmillan, a division of Nature America Inc., 2005. — p. 10-11.